

УДК 37.018.71

**«ЛИШЕННЫЕ ДЕТСТВА»: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ****Л. Э. Панкратова***Кандидат философских наук, доцент,
Российский государственный
профессионально-педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия***«DEPRIVED CHILDHOOD»: NEW TRENDS IN EDUCATIONAL PRACTICE****L. E. Pankratova***Candidate of Philosophical Sciences,
assistant professor,
Russian State Professional-Pedagogical University,
Ekaterinburg, Russia*

Summary. The article discusses the new trends in the education of the child in the family. The author shows the dynamics of changes in ideas about childhood as a social and cultural phenomenon. Is of particular scientific and practical interest – what has changed today, in the twenty-first century attitude to the child, the child and parenting. Analyzes the phenomenon of “organization” of childhood. Discusses some installation and stereotypes about the child’s upbringing in the family, typical for modern parents. The author analyzes the implications of new educational practices and the phenomenon of “crisis” of childhood in contemporary culture.

Keywords: childhood; children subculture; child; educational practices; education in the family.

Феномен детства в современной науке становится одним из популярных предметов исследования. В многочисленных антропологических, исторических, психолого-педагогических изысканиях по этой теме было обнаружено, что отношение к детству и ребенку исторически менялось и было обусловлено различными социокультурными, экономическими и другими факторами. Если на ранних этапах развития человеческого общества отношение к ребенку варьировалось от инфантицидного (Л. Демоз), предполагающего возможность уничтожения детей, как слабых, неприспособленных существ, до игнорирования их, непризнания в ребенке самостоятельных и самоценных существ, то начиная с эпохи Просвещения происходит своеобразное «прозрение»: общество «увидело» ребенка, признало

его, но как объект социализации и воспитания.

Наиболее характерным подходом в отношении воспитания детей явился подход Дж. Локка, согласно которому душа ребенка – это чистая доска, что «напишет» на ней воспитатель, таков и будет ребенок. В дальнейшем отношение к нему существенно меняется, происходит трансформация представлений о детстве. Это отражается и в теоретических подходах и определениях к периоду детства. Современную позицию можно озвучить определением И. С. Кона: «мир детства <...> это автономная социокультурная реальность, своеобразная субкультура, обладающая своим собственным языком, структурой, функциями, даже традициями» [1, с. 422]. Меняется, как пишет С. Н. Щеглова, и социальный статус ребенка: от непризнания детей

членами общества, считающимися зависимыми, подчиненными людьми с отсроченными правами (они лишь будущие члены общества), до признания того, что дети – равноправные члены общества [4, с. 24]. Трансформируется и педагогическая парадигма: ребенок является субъектом воспитания, а не только объектом, считали представители гуманистической педагогики и психологии В. А. Сухомлинский, Ш. А. Амонашвили, В. Ф. Шаталов и другие. Пропагандируется «помогающий» стиль отношения к детям, партнерство во взаимодействии с ними.

Но реальная практика воспитания в семье часто не успевает за всеми этими динамическими изменениями. Большинство родителей при воспитании своих детей опираются на собственный опыт, собственные представления о целях и задачах воспитания. Зачастую они не имеют педагогического образования, и идеи Конвенции ООН о правах ребенка, современные психолого-педагогические концепции им не знакомы. Закономерно, что реальная практика воспитания в семье «запаздывает» по сравнению с современными научными исследованиями.

Общей тенденцией в отношении современной семьи является то, что она является «детоцентристской». В семье, как правило, один ребенок, и все усилия родителей сосредоточены на нем. Ребенок является целью и смыслом жизни родителей. Они преисполнены желанием дать ребенку «все лучшее». Но, что это «лучшее», каждый понимает по-своему. Частично такая же проблема обозначена в Конвенции ООН о правах ребенка. В ней провозглашается принцип «наилучших интересов ребенка». Кто и как их определяет – четкой методики не существует. Это позволяет говорить об определенном «ювенальном терроре» в действиях, например, норвежской службы органов опеки и попечительства «Барне-

варн», изымающих детей из неблагополучных, с их точки зрения, семей для передачи в более благополучные и обеспеченные семьи. Таким образом, положительные тенденции в изменении социального статуса ребенка в современном обществе дополняются негативными проявлениями в реализации этого статуса на практике. В семейном воспитании гипертрофированное чувство родительского долга привело к гиперопеке в отношении с детьми, навязыванию им своего мнения, лишению их самостоятельности.

Современные российские родители находятся в плену педагогических иллюзий Дж. Локка. Они убеждены, что чем больше вложишь в ребенка, тем более развитым интеллектуально, физически и духовно он будет. Воспитательную практику переполняют идеи «раннего развития». Открываются соответствующие школы раннего развития, куда принимаются дети буквально с одиннадцати месяцев (ведь потом будет уже поздно!). Зачастую обеспеченные неработающие мамы весь свой день распределяют так, чтобы возить ребенка по различным кружкам, секциям, школам. Популярно обучение иностранным языкам начиная с двухлетнего возраста. Врач-невролог Е. Меланченко пишет, что большие интеллектуальные нагрузки у современных детей приводят к неврологическим нарушениям, так как организм ребенка не готов к ним. «Дело в том, что мозг ребенка созревает постепенно. Сначала созревают нервные центры, отвечающие за дыхание и пищеварение, потом – за движение и только потом – за эмоциональный контроль, волю и чтение. Если принудительно нарушить эту последовательность, если начать развивать центры чтения до того, как созреют предыдущие, становление ребенка может отклониться от нормы. Чрезмерное интеллектуальное напряжение вызывает приток крови к коре головного мозга.

При этом обедняется кровоснабжение центров, отвечающих за дыхание, пищеварение, сердцебиение, в результате чего возникают спазмы сосудов – и, соответственно, ребенок получает целый букет заболеваний. Причины спазмов в детском возрасте также связаны и с психологическим напряжением, которое очень и очень часто возникает у тех, кого раньше времени сажают за парты» [2]. Характерной тенденцией «раннего развития» ребенка становится также акцент на преимущественно интеллектуальном развитии. Обедняется эмоциональная сфера ребенка (недаром в современной психологии появилось понятие «эмоциональная тупость»), детям не хватает телесной практики общения с родителями, эмоциональной привязанности. Детство поглощается только учебной деятельностью.

Родители считают, что наличие у ребенка большого количества свободного времени приведет к возникновению девиантного поведения; прогулки во дворе бессмысленны; лучше, когда весь день ребенка четко запланирован на «полезные», с точки зрения родителей, занятия. Детство лишается самооценности, остается подготовкой к будущей жизни, к школе, к ЕГЭ, к вузу. Детская дворовая субкультура, являющаяся мощным механизмом социализации ребенка, исчезает. Возникают ассоциации с описанием детства в Средние века Ф. Арьесом: ребенок не самоценное существо, а «маленький взрослый», лишенный собственных интересов, особенностей, потребностей. Даже детские игры лишаются непосредственности и креативности, в них становится важной лишь дидактическая составляющая. Игры разрабатываются взрослыми людьми, педагогами, поэтому игровая деятельность становится заформализованной и заорганизованной. В целом это можно сказать и о самом современном детстве: оно становится заорганизованным. Дети лишаются детства, понимаемого как

своеобразная субкультура, автономная от взрослой, непосредственная, со своим языком, традициями, играми, функциями, передающимися от поколения к поколению [3].

«Лишенные детства» (в рамках данной статьи) – это дети не из неблагополучных семей, которых, впрочем, тоже можно отнести к такой категории, а дети из благополучных семей, родители которых с благими (с их точки зрения) целями лишают ребенка непосредственной детской жизни, стремясь постоянно контролировать, навязывать зачастую несвойственные ребенку цели и задачи. Незнакомые с понятием «сензитивный период» родители думают, что чем раньше ребенок будет изучать иностранный язык, тем легче он его освоит. Но реальная педагогическая практика опровергает это заблуждение. «Заорганизованность» современного детства приводит к определенным негативным последствиям. Для современных детей характерна повышенная тревожность (из-за нахождения в постоянном цейтноте), повышенный инфантилизм (все всегда решают за него родители), неумение самостоятельно организовывать собственную жизнедеятельность (из-за постоянного организационного контроля родителей), дискомфорт при нахождении в ситуации одиночества, «ничего неделанья» (отсюда уход в виртуальную реальность).

Современные исследователи говорят о кризисе детства и растворении его во взрослой культуре, о феномене «исчезновения» детства. С другой стороны, в противовес этой тенденции появился феномен инфантилизации молодого поколения. Молодые люди стремятся «наверстать» то, чего были зачастую лишены в детстве, продлить его. Регрессией как способом психологической защиты, выражающимся в возврате к детским моделям поведения, возможно, и объясняется появление движения «чайлдфри», поздние браки и уход

в виртуальные игры. Детская субкультура находит свои способы защиты от тотального влияния «взрослой» культуры.

Можно сделать вывод, что, во-первых, воспитательные практики современных родителей, уходящие корнями в XVII век, требуют рефлексии и переосмысления. Во-вторых, воспитательные практики базируются на определенном, часто нерелексируемом видении детства как социокультурного феномена. Как же сегодня, в XXI веке, можно описать, что такое детство? Отношение к детству и ребенку в современной России можно назвать амбивалентным. С одной стороны, декларируется, особенно в нормативно-правовых документах, субъектность ребенка, признаются его права и самоценность. С другой стороны, реальная практика семейного воспитания ставит ребенка в подчиненную интересам и представлениям о должном родителей, видящих целью своей жизни всесторонне развить чадо, не считаясь с его индивидуальностью, возможностями и потребностями. Данная проблема ставит вопрос о низкой психолого-педагогической культуре родителей. В-третьих, все эти тенденции требуют теоретической рефлексии ученых, особенно в отношении проблемы «раннего развития» детей и практических действий, позволяющих в будущем преодолеть существующие негативные проявления нынешних воспитательных практик, «лишающих» ребенка детства.

В целом же современное детство нуждается в реабилитации, восстановлении и осознании тех возможностей, которыми обладает этот период.

Библиографический список

1. Кон И. С. Возрастной символизм и образы детства / Социологическая психология. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999.
2. Меланченко Е. Дети: Какие последствия у раннего развития. URL: <http://econet.ru/articles/66359-deti-kakie-posledstviya-u-rannego-razvitiya> (дата обращения: 18.06.2015).
3. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – СПб.: Питер, 2013.
4. Щеглова С. Н. Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. – М.: Социум, 2001.

Bibliograficheskiy spisok

1. Kon I. S. Vozrastnoy simbolizm i obrazy detstva / Sotsiologicheskaya psihologiya. – М.: Moskovskiy psihologo-sotsialnyiy institut; Voronezh : Izdatelstvo NPO «MODEK», 1999.
2. Melanchenko E. Deti: Kakie posledstviya u rannego razvitiya. URL: <http://econet.ru/articles/66359-deti-kakie-posledstviya-u-rannego-razvitiya> (data obrascheniya : 18.06.2015).
3. Osorina M. V. Sekretnyiy mir detey v prostranstve mira vzroslyih. – SPb. : Piter, 2013.
4. Scheglova S. N. Sotsiologiya prav detey v Rossii : novyy vek, novyye problemy, novyye perspektivy. – М.: Sotsium, 2001.

© Панкратова Л. Э., 2015